

О. А. Смирнова
*кандидат исторических наук, доцент кафедры
педагогике, социально-экономических и гуманитарных дисциплин
Оренбургского государственного института искусств
им. Л. и М. Ростроповичей*

Великая Отечественная война как культуuroобразующий фактор общественной жизни и национального самосознания в XX – начале XXI века

В статье поставлен вопрос о необходимости комплексного изучения Великой Отечественной войны на основе социокультурного подхода. Предлагается рассматривать Великую Отечественную войну как культуuroобразующий фактор общественной жизни и национального самосознания не только в послевоенный период и условиях современности, но и за несколько лет до ее непосредственного начала. Показывается, что в 1930-х – начале 1940-х гг. – в условиях нарастания военной угрозы, а затем и начавшихся боевых действий, в СССР развернулся процесс реставрации отвергнутых после революции подходов в понимании исторического прошлого и организации некоторых сторон общественной жизни.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, культуuroобразующий фактор, СССР, предвоенный период, историческая память, массовое сознание, патриотизм, советское общество, духовная консолидация.

Последние несколько лет в исследованиях, посвященных проблемам истории Великой Отечественной войны, все чаще ставится вопрос о необходимости трактовки этого масштабного события отечественной и мировой истории как культуuroобразующего в развитии современного российского общества и национального самосознания [13; 14]. На наш взгляд, суть рассматриваемой проблемы гораздо шире. Думается, следует вести речь о том, что Великая Отечественная война для нашего общества стала фактором культуuroобразующим уже за несколько лет до ее непосредственного начала.

Так, известно, что в 1920-е гг. в Советской России, а затем и СССР на уровне государственной идеологии широкое распространение получил национальный нигилизм, в соответствии с которым понятия «патриотизм», «Отечество», «любовь к Родине» были изъяты из числа базовых мировоззренческих установок, а в педагогической практике – патриотическое воспитание было вытеснено воспитанием интернациональным. Фактически, проводимая политика стала продолжением пацифистских настроений лидеров большевизма предреволюционной эпохи, а также проявлением твердой уверенности в близости мировой пролетарской революции, когда классовое единение неизбежно приведет к ликвидации национальных границ и позволит, по словам наркома просвещения А. В. Луначарского, «слиться в единую человеческую семью» [6].

Однако в начале 1930-х гг. ситуация на международной арене существенно изменилась. Во-первых, не оправдались надежды на мировую революцию в связи со стабилизацией социально-экономической ситуации в послевоенной Европе, а в итоге, СССР оказался вынужденным принять стратегию строительства социализма в отдельно взятой стране без расчета на поддержку международного пролетариата. Во-вторых, появилась реальная угроза развертывания широкомасштабной войны, на что указывали очевидные факты – утверждение фашистских режимов в ряде стран Европы, агрессивная политика Японии, захватившей в 1931 г. территорию северо-восточного Китая, приход к власти в Германии в 1933 г. национал-социалистов. В-третьих, несмотря на прошедшую «полосу международных признаний», по отношению к СССР сохранялось крайнее недружелюбие со стороны мировых держав – Англии, Франции и США, не проявлявших готовности к заключению взаимовыгодных договоров о сотрудничестве и взаимопомощи.

В этой ситуации стало очевидным, что «революционный романтизм» себя исчерпал. На повестке дня стоял вопрос не мировой революции и ведения войны на чужой территории малыми силами в поддержку европейских пролетариев, а защита собственной территории в случае внешней агрессии. В итоге приходило осознание необходимости существенной корректировки внутривнутриполитического курса на основе возвратной, практически реставрационной, стратегии по отношению к дореволюционной эпохе, в частности, в интерпретации исторического прошлого [2; 8].

Этот поворот начинает обнаруживаться уже с 1930-го г., хотя на массовом уровне еще продолжали действовать прежние идеологические установки. Характерным тому подтверждением служит переписка И. В. Сталина с Д. Бедным. В письме от 12 декабря 1930 г., характеризуя ряд фельетонов писателя, которые были представил на рассмотрение Секретариата ЦК ВКП(б), Сталин указывал, что в них содержится явная клевета на СССР – на его прошлое и на его настоящее. Он писал: «Судите сами... Революционеры всех стран с надеждой смотрят на СССР как на очаг освободительной борьбы трудящихся... с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России... прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. А Вы? Вместо того, чтобы осмыслить этот величайший в истории революции процесс... стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную «Перерву» (пауза. – *О.С.*), что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ, развенчание СССР, развенчание пролетариата СССР, развенчание русского пролетариата» [15, 90]. Далее Сталин подкреплял свои суждения пространной цитатой из работы В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов»: «Чуждо ли нам,

великорусским сознательным пролетариям, чувство национальной гордости? Конечно, нет! Мы любим свой язык и свою родину... Нам больше всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что насилия вызывали отпор из нашей Среды, из Среды великоруссов, что эта Среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс» [15, 91].

Так, практически впервые за прошедшее после революции 13-летие, был подвергнут резкой критике один из ярких представителей пролеткульта при одновременной положительной оценке исторического прошлого России. Очевидно, как подчеркивают современные исследователи, Сталин начал готовиться к неизбежной войне и понимал необходимость выработки на уровне массового сознания патриотических настроений при одновременном отказе от ранее пропагандируемого национального индифферентизма [1; 3; 10]. Последовательное продвижение по этому пути начало разворачиваться после XVII съезда ВКП (б) – съезда победителей, прошедшего в Москве с 26 января по 10 февраля 1934 г.

Одним из первых на разворачивающийся в общественно-политической жизни Советского Союза процесс обратил внимание религиозный мыслитель и публицист русского зарубежья Г. П. Федотов. В январе 1936 г. он писал: «Вот уже истекает второй год со времени XVII съезда коммунистической партии, начавшего новую полосу русской революции. У нее еще нет имени... но ее черты уже отчетливо прорисовались... <...> Общее впечатление: лед тронулся. Огромные глыбы, давившие Россию семнадцать лет своей тяжестью, подтаяли и рушатся одна за другой. Так как она не затрагивает основ ни политического, ни социального строя, то ее можно назвать бытовой контрреволюцией. Бытовой и вместе с тем духовной, идеологической» [18, 83].

Федотов подчеркивал, что набирающая силу тенденция выразилась во множестве фактов, связанных с предоставлением ряда новых прав и возможностей на осуществление разнообразных форм жизнедеятельности. В их числе: «Право беспартийного дышать и говорить, не клянясь Марксом, право юношей на любовь и девушек на семью, право родителей на детей и приличную школу, право всех на “веселую жизнь”, на елку и на какой-то минимум обряда – старого обряда, украшавшего жизнь» [18, 84]. В ряду реставрационных нововведений он также выделял такие, как: пропаганда порядка, аккуратности, выполнения долга, уважения к старшим; поддержка моногамной семьи, борьба с абортами, с половой распущенностью; возрождение старых порядков в системе образования, связанных с поддержанием дисциплины и экзаменационными испытаниями; пропаганда благородных традиций в искусстве и литературе, когда Пушкин и Толстой становятся воспитателями народа [16, 99; 17, 130; 18, 94; 19, 109]. Мыслитель считал, что обретение всего перечисленного чрезвычайно значимо. По его мнению, оно свидетельствовало, что в России «в значительной мере реставрировано десятисловие», а это для нее «означает... восстание из мертвых» [18, 84; 19, 109].

В числе этих перемен Федотов особо выделял целенаправленные усилия по формированию патриотического сознания, пробуждению ранее сдерживаемого, даже удушаемого чувства любви к родине. Он писал: «Красота родины, ее природы, ее язык становятся предметами восторженного поклонения» [16, 99]. В перечне методов «освобождения инстинктов всенародного патриотизма» он акцентировал внимание на развернувшемся процессе замены в школьном образовании марксистского обществоведения историей, в трактовке которой объявлена решительная борьба «экономическим схемам» [18, 87]. Философ подчеркивал, что советский человек, наконец «перестает чувствовать себя голым зачинателем новой жизни». Для него будущее связывается с прошлым и в «удушенную рационализмом, технически ориентированную душу вторгаются явления и образы иного мира, полнозвучного и всечеловечного, со всем богатством этических и даже религиозных эмоций» [19, 110].

Г. П. Федотов, действительно, удалось с невероятной точностью, говоря его словами, «угадать общее направление», разворачивающегося обновления в советской общественной жизни, как и отправную веху этого процесса – XVII съезд ВКП (б). Это событие положило начало многим кардинальным переменам в СССР.

В ряду развернувшихся перемен одно из центральных мест принадлежало реформе системы исторического образования как социального института, призванного решать задачи по формированию мировоззренческой основы патриотизма. Так, весной 1934 г. во втором номере журнала «Историк-марксист», редакция которого находилась под непосредственным контролем ЦК ВКП (б), говорилось: «Исторические решения XVII съезда партии поставили партию и страну перед громадной важности задачей перестроить всю работу на всех ее участках в соответствии с грандиозными задачами и перспективами, намеченными партийным съездом. На уровень великих задач нашей эпохи, сформулированных съездом и вождем партии т. Сталиным, должна быть поставлена и теоретическая работа в нашей стране. Историческая наука должна стать одним из важнейших и политически наиболее актуальных и активных участков теоретической работы партии» [5, 3]. Далее отмечалось: «Пролетарская культура строится путем революционной переработки культуры прошлого. Поэтому гигантские задачи, стоящие перед нами в области культурного строительства, требуют, как никогда раньше, точного знания культуры, созданной развитием всего человечества. Наша наука должна сыграть крупнейшую роль в деле ознакомления и революционной переработки исторического наследия прошлого... Этого мы добьемся путем широкой пропаганды конкретных исторических знаний, путем всестороннего изучения истории древнего мира, средних веков, новой истории» [5, 5].

В 1934 г. вопросы, касающиеся преподавания гражданской истории, неоднократно обсуждались на совещаниях в Наркомпросе РСФСР с участием ученых и преподавателей истории. Рассматривался широкий круг проблем, в числе которых были следующие: корректировка учебных планов в сторону увеличения количества часов на изучение истории в средней и высшей школе,

написание новых учебников, составление хрестоматий, разработка исторических карт, а также подготовка и переподготовка преподавательских кадров.

Итогом проведенной работы стало постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР», принятое и опубликованное 15 мая 1934 г. В этом документе говорилось: «Совет народных комиссаров Союза ССР и Центральный комитет ВКП (б) констатировали, что преподавание истории в школах СССР поставлено неудовлетворительно. Учебники и само преподавание носят отвлеченный, схематический характер. Вместо преподавания гражданской истории... учащимся преподносят абстрактное определение общественно-экономических формаций, подменяя, таким образом, связное изложение гражданской истории отвлеченными социологическими схемами». Ставилась задача преподносить учебный материал «в живой занимательной форме с изложением важнейших событий и фактов в их хронологической последовательности, с характеристикой исторических деятелей» [12].

Однако разработка учебника оказалась по времени чрезвычайно затратной деятельностью, потребовав нескольких лет скрупулезной работы [7; 11]. В итоге отсутствие учебников при восстановленном преподавании истории создало условия для возвращения в образовательную среду дореволюционных учебных пособий. Уже в 1934 г. Наркомпрос РСФСР рекомендовал учителям обращаться к учебникам С. Ф. Платонова, Н. И. Кареева, К. И. Иванова как содержащими обширный фактический материал. Тогда же принимается решение о переиздании ряда капитальных трудов по русской истории, в числе которых были «Курс русской истории» В. О. Ключевского и «История России с древнейших времен» С. М. Соловьева. Так, фактически произошла «реабилитация» выдающихся российских историков и их труды стали вновь доступны читателям. Это был беспрецедентный «возвратный» шаг советской власти, по сути допустившей реставрацию дореволюционного видения исторического прошлого, пронизанного чувством глубокой любви к Отечеству, его традиционным устоям и духовным ценностям.

В 1934-1935 гг. разворачивается широкая кампания по пересмотру содержания исторического повествования и корректировки смысловых акцентов. Если еще в 1931 г. И. В. Сталин заявлял, что «старую Россию» на протяжении всей ее истории «непрерывно били» (и монгольские ханы, и турецкие беи, и шведские феодалы, и польско-литовские паны), то в 1934 г. те же события рассматривались как самоотверженная борьба народа за национальную независимость. При этом внимание акцентировалось не на поражениях, а на мужестве и стойкости русских людей. В итоге, история становилась чередой трудных, но блестящих побед, как трудовых, так и воинских.

Существенно трансформировался и идеал исторического деятеля. Если в 1920-е гг. ее главным героем был бунтарь, революционер, рабочий на баррикадах, то в 1930–1940-е гг. не менее важными становятся фигуры видных государственных деятелей – Иван Грозный, Дмитрий Пожарский, Петр I, заботившихся о благе отчизны. Была осуждена и практика грубых,

высокомерных характеристик, которыми широко пользовались в 1920-х гг. историки-марксисты Института красной профессуры, упоминая о представителях государственной власти дореволюционной эпохи. Например, Петр I именовался «алкоголиком», Дмитрий Пожарский – «перелетом», не говоря уже об эпитетах, бросавшихся в адрес Екатерины II.

В новой общественно-политической ситуации в учебном процессе значительно место отводилось изучению военной истории России. С одной стороны, пристальное внимание уделялось личностным характеристикам выдающихся полководцев – Александр Невский, Дмитрий Донской, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. С. Нахимов. С другой стороны, подробно анализировались крупнейшие воинские сражения, определившие судьбу страны. В их числе: Невская битва, Ледовое побоище, Куликовская битва, Полтавская битва, Бородинское сражение, оборона Севастополя и др. Во время Великой Отечественной войны внимание сосредоточилось на изучении побед русского воинства над немецкими завоевателями в XIII в., а также победах Красной армии над войсками кайзеровской Германии в 1918 г. Другой важной темой стали события Отечественной войны 1812 г., в частности, развернувшегося в ходе нее партизанского движения [1; 10].

Реализация «возвратного курса» по отношению к национальным традициям и историческому прошлому осуществлялась не только через систему образования, но с использованием других методов информационного воздействия. В их числе были литература, киноискусство, радиопередачи, периодическая печать, монументальная пропаганда, музейное дело, мемориально-праздничная культура.

Одно из центральных мест принадлежало художественной литературе, где особое внимание уделялось жанру исторического романа. Главной темой становится идея «государственности», в раскрытии которой ведущую роль отводили правителю-созидателю, беззаветно преданного отчизне. Второй важной темой стала тема воинской доблести защитников Отечества. В числе известных и широко востребованных были следующие исторические романы: А. С. Новиков-Прибой «Цусима» (1932-1934), В. Я. Шишков «Емельян Пугачев» (1933), А. Н. Толстой «Петр Первый» (1934), А. Н. Степанов «Порт-Артур» (1938), С. Н. Сергеев-Ценский «Севастопольская страда» (1939), В. Г. Ян «Чингис-хан» (1939), С. П. Бородин «Дмитрий Донской» (1941), В. Г. Ян «Батый» (1942), В. И. Костылев «Иван Грозный» (1943) и др. Практически все из перечисленных романов удостоились в конце 1930-х – начале 1940-гг. Государственной (Сталинской) премии, что подтверждало признание значимости их идейного воздействия на общество [2].

Вторым мощным средством воздействия на массовое сознание являлось киноискусство. В 1930-х – начале 1940-х гг. снимается несколько грандиозных исторических киноэпопей, которые на многие десятилетия сформировали представления, как об отдельных исторических личностях, так и целых исторических эпохах. В первую очередь – это кинокартины С. Эйзенштейна – «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940); «Иван Грозный» (1944). Грандиозным по масштабам съемок и силе

художественных образов стал и кинофильм В. Петрова «Петр Первый» (1937-1938). На экране были представлены сильные, благородные, порой, трагические исторические личности, однако отдающие все силы на благо Отечества, родной земли, душой болеющие за единство и безопасность государства.

В конце 1930-х – начале 1940-х гг. было проведено ряд мемориальных мероприятий, посвященных событиям гражданской и военной истории. Колоссальных размахов обрели торжества в 1937 г., посвященные 100-летию со дня гибели А. С. Пушкина. После периода «пролеткультовского» уничтожения он вновь обрел статус великого русского поэта, творчество которого стало рассматриваться символом русской культурной традиции [20]. В эти же годы было отмечено и ряд крупных дат военной истории России. В 1938 г. прошли торжества по поводу 20-летия Рабоче-Крестьянской Красной Армии и Военно-Морского Флота, в 1939 г. – 230-летие разгрома шведов под Полтавой, в 1942 – 700-летие Ледового побоища. Многие из мероприятий сопровождались открытием военно-исторических музеев [1].

Перечисленные и многие другие средства воздействия на массовое сознание были призваны сформировать в советском обществе в 1930-е – начале 1940-х гг. принципиально новое видение исторического прошлого. В условиях нарастающей военной угрозы, а затем и разразившейся второй мировой и Великой Отечественной войн оказалось крайне важным сформировать гражданина-патриота, любящего родину и готового ее защищать по примеру предков. Было важно показать, что в предстоящих военных испытаниях советскому человеку предстоит отстаивать не только революционные завоевания, но и многовековую культурную традицию.

В условиях начавшейся Великой Отечественной войны обращения советского руководства к национальным культурным традициям и русской воинской славе стали еще более ярко выраженными. Так, известно, что 3 июля 1941 г. свое первое с начала войны радиообращение к народу Сталин начал словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота!» - то была прямая отсылка к национально-религиозному чувству соборного единения перед лицом беспощадного противника. А три месяца спустя, выступая 7 ноября на Красной Площади перед участниками Военного парада в ознаменование 24-ой годовщины Великой октябрьской социалистической революции, он произнес знаменитые слова, напоминая красноармейцам имена русских полководцев-защитников Отечества: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьму Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!» [1]. Полгода спустя – в мае-июне 1942 г. – имена многих русских полководцев, генералов и адмиралов были увековечены учрежденными воинскими орденами.

Революционная власть, следовавшая в постреволюционный период дорогой разрушения традиций, уничтожения вековых национальных устоев, осознав реальность военной угрозы, осуществила корректировку основных векторов внутренней политики. Руководствуясь принципом политического прагматизма, преследуя задачу формирования патриотического типа личности,

она допустила ростки традиционализма в советское социальное пространство. Этот мир, – по словам Г. П. Федотова – оказался уже не под запретом: «Вечное заглядывает в глаза, через прошлое стучится в настоящее» [19, 110]. Действительно, даже при сохранении доминирующего положения марксистской риторики, прорывавшаяся к жизни традиция, в частности, через познание национального прошлого, запустила подспудную работу возрождения человека к нравственному сознанию и духовному восхождению.

Так, в угроза войны оказала культуuroобразующее воздействие на общественную жизнь и национальное самосознания советского общества, когда Советская Россия обратилась к своему дореволюционному прошлому и начала обнаруживать свои культурно-исторические истоки. В современных условиях культуuroобразующее воздействие исторического опыта Великой Отечественной войне не ослабевает. Память о войне и Великой Победе становятся золотым звеном, соединяющим советское и постсоветское время, создавая основу национального и духовного самостоянья потомкам поколения Победителей.

Литература

1. Гордина, Е. Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой отечественной войны [Текст] / Е. Д. Гордина // Преподавание истории в школе. – 2010. – № 3. – С. 9–13.
2. Гордина, Е. Д. Роль исторического романа советских писателей в утверждении в массовом сознании официальной концепции отечественной истории в 1930-е – первой половине 1940-х годов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук [Текст] / Е. Д. Гордина. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2012. – 45 с.
3. Гришаев, О. В. Об изменениях в преподавании отечественной истории середины – второй половины 1930-х гг. / О. В. Гришаев [Текст] // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 2 (30). С. 74-81.
4. И. В. Сталин Историческая идеология в СССР в 1920-1950 годы: Переписка с историками, статьи и заметки по истории, стенограммы выступлений. Сборник документов и Материалов. Ч. 1. 1920-1930-е годы / сост. М. В. Зеленов. – СПб.: Наука-Питер, 2006. – 496 с.
5. Историческую науку – на уровень великих задач (Итоги XVII съезда ВКП (б) и задачи большевистских историков) // Историк-марксист. 1934. № 2 (36). С. 3-10.
6. Луначарский, А. В. О преподавании истории в коммунистической школе. – Пг., – 1918, – 20 с. [Электронный ресурс]. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su> (дата обращения 12.10.2020).
7. Как в 1930-е годы писали и утверждали учебник по истории [Электронный ресурс] // Родина: [сайт]. – 2016. – 1 сентября. – URL: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (дата обращения 18.10.2019).

8. Михайлова, В. Встреча иерархов со Сталиным в Кремле: беседа с профессором Московской духовной академии А. К. Светозарским [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/> (дата обращения 12.10.2020).

9. О преподавании гражданской истории в школах СССР [Электронный ресурс]. – URL: <http://istmat.info/node/40824> (дата обращения 12.10.2020).

10. Огановская, И. С. Перестройка исторического образования и обновление содержания школьных учебников истории СССР в годы Великой Отечественной войны [Текст] / И. С. Огановская // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности. Девятые уральские военно-исторические чтения. Сборник научных статей. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2015. – С. 259–267.

11. Пепелина, Н. И. Из истории народного образования в СССР в 1930-х годах: работа над школьным учебником отечественной истории [Текст] / Н. И. Пепелина // Вестник московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. – 2013. – № 2. – С. 19–52.

12. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 15 мая 1934 г. «О преподавании гражданской истории в школах СССР [Электронный ресурс]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm (дата обращения 12.10.2020).

13. Рачина, А. В., Бурьков, В. В. Великая Отечественная война и историческая память молодого поколения [Текст] / А. В. Рачина, В. В. Бурьков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – № 1. – С. 112-114.

14. Сенявский, А. Идеологический фактор и феномен массового героизма в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс]. – URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/1977/> (дата обращения 12.10.2020).

15. «Счастье литературы». Государство и писатели. 1925–1938 гг. Документы / Составитель Д. Л. Бабиченко. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 319 с.

16. Федотов, Г. П. Культурные сдвиги [Текст] / Г. П. Федотов // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Санкт-Петербург: София, 1992. – Т. 2. – С. 98-102.

17. Федотов, Г. П. Пушкин и освобождение России [Текст] / Г. П. Федотов // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Санкт-Петербург: София, 1992. – Т. 2. – С. 84-97.

18. Федотов, Г. П. Сталинокрапия [Текст] / Г. П. Федотов // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Санкт-Петербург: София, 1992. – Т. 2. – С. 84-97.

19. Федотов, Г. П. Тяжба о России [Текст] / Г. П. Федотов // Федотов, Г. П. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры: в 2 т. – Санкт-Петербург: София, 1992. – Т. 2. – С. 103-121.

20. Хорошева, А. Пушкин наш, советский! – URL : <http://lhistory.ru/statyi/pushkin-nash-sovetskij> (дата добавления: 6.10.2020).

Smirnova Olga Alekseevna
candidate of historical sciences, associate professor of pedagogy department,
socio-economic and humanitarian disciplines
Orenburg State Institute of Arts. L. and M. Rostropovich
oasmirnoff@rambler.ru

The Great Patriotic war as a cultural factor of public life and national identity in the XX – early XXI century

The article raises the question of the need for a comprehensive study of the great Patriotic war on the basis of a socio-cultural approach. It is proposed to consider the great Patriotic war as a cultural factor of public life and national identity not only in the post-war period and modern conditions, but also several years before its immediate beginning. It is shown that in the 1930s and early 1940s. – in the context of the growing military threat, and then the outbreak of hostilities, the USSR launched a process of restoration of rejected after the revolution approaches to understanding the historical past and the organization of certain aspects of public life.

Key words: Great Patriotic war, culture-forming factor, USSR, pre-war period, historical memory, mass consciousness, patriotism, Soviet society, spiritual consolidation.

List of references:

1. Gordina, E. D. History as a tool of Patriotic education in the USSR on the eve and at the beginning of the great Patriotic war [Text] / E. D. Gordina // Teaching history at school. – 2010. – No. 3. – Pp. 9-13.

2. Gordina, E. D. The role of the historical novel of Soviet writers in the approval of the official concept of national history in the mass consciousness in the 1930s – first half of the 1940s. Abstract of the dissertation for the degree of doctor of historical Sciences [Text] / E. D. Gordina. – Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod state University of architecture and civil engineering, 2012, 45 p.

3. Grishaev, O. V. On changes in the teaching of national history in the mid – second half of the 1930s.] // Privolzhsky scientific Bulletin. -2014. – № 2 (30). p. 74-81.

4. I. V. Stalin Historical ideology in the USSR in 1920-1950: Correspondence with historians, articles and notes on history, transcripts of speeches. A collection of documents and Materials. Part 1. 1920-1930-ies / comp. M. V. Zelenov. – SPb.: Nauka-Piter, 2006. – 496 p.

5. Historical science – to the level of great tasks (Results of the XVII Congress of the CPSU (b) and tasks of Bolshevik historians) // Historian-Marxist. 1934. № 2 (36). Pp. 3-10.

6. Lunacharsky, A.V. About teaching history in the Communist school. – PG., – 1918, – 20 p. [Electronic resource]. – URL: <http://lunacharsky.newgod.su> (accessed 12.10.2020).

7. How the history textbook was written and approved in the 1930s [Electronic resource] // Rodina: [website]. – 2016. – September 1. – URL: <https://rg.ru/2016/09/13/rodina-uchebniki-istorii.html> (accessed 18.10.2019).

8. Mikhailova, V. Meeting of hierarchs with Stalin in the Kremlin: conversation with Professor of the Moscow theological Academy A. K. Svetozarsky [Electronic resource]. URL: <https://pravoslavie.ru/> (accessed 12.10.2020).

9. About teaching civil history in schools of the USSR [Electronic resource]. – URL: <http://istmat.info/node/40824> (accessed 12.10.2020).

10. Oganovskaya, I. S. Perestroika of historical education and updating the content of school textbooks on the history of the USSR during the great Patriotic war [Text] / I. S. Oganovskaya // 70th anniversary of the great Victory: historical experience and problems of modernity. The ninth of the Ural military-historical readings. Collection of scientific articles. – Yekaterinburg: Bank of cultural information, 2015. – P. 259-267.

11. Pepelina, N. I. From the history of public education in the USSR in the 1930s: work on a school textbook of national history [Text] / N. I. Pepelina // Bulletin of Moscow state humanitarian University. M. A. Sholokhov. – 2013. – No. 2. – P. 19-52.

12. The SNK and the CPSU (b) on may 15, 1934 "On teaching civil history in schools of the USSR [Electronic resource]. – URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3989.htm (accessed 12.10.2020).

13. Rachina, A.V., Burkov, V. V. the Great Patriotic war and the historical memory of the young generation. In Rachina, V. V. Burkov // Actual problems of Humanities and natural Sciences. – 2016. – No. 1. – Pp. 112-114.

14. Senyavsky, A. ideological factor and the phenomenon of mass heroism in the great Patriotic war [Electronic resource]. – URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/1977/> (accessed 12.10.2020).

15. "Happiness of literature". State and writers. 1925-1938 years. Documents / compiled by D. L. Babichenko. – M.: "Russian political encyclopedia" (ROSSPEN), 1997. - 319 p.

16. Fedotov, G. P. Cultural shifts [Text] / G. P. Fedotov // Fedotov, G. P. Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: in 2 volumes – Saint Petersburg: Sofia, 1992. – Vol. 2. – Pp. 98-102.

17. Fedotov, G. P. Pushkin and the liberation of Russia [Text] / G. P. Fedotov // Fedotov, G. P. Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: in 2 volumes – Saint Petersburg: Sofia, 1992. – Vol. 2. – Pp. 84-97.

18. Fedotov, G. P. Stalinocracy [Text] / G. P. Fedotov // Fedotov, G. P. Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: in 2 volumes – Saint Petersburg: Sofia, 1992. – Vol. 2. – Pp. 84-97.

19. Fedotov, G. P. Litigation about Russia [Text] / G. P. Fedotov // Fedotov, G. P. Fate and sins of Russia. Selected articles on the philosophy of Russian history and culture: in 2 volumes – Saint Petersburg: Sofia, 1992. – Vol. 2. – P. 103-121.

20. Khorosheva, A. Pushkin our, Soviet! – URL : <http://lhistory.ru/statyi/pushkin-nash-sovetskij> (date added: 6.10.2020).